

Апрель 1927,
Таруны

I

В моей старой записной книжке, которую я считал утерянной, но затем случайно обнаружил в погребке среди всевозможных пожелтевших бумаг, я наткнулся на запись, сделанную мной в Ницце поздней осенью 1941-го года. Во время разговора о современной русской литературе Андре Жид, с которым в тот период моей жизни я часто встречался, при упоминании имени Бунина, сказал: "Да, вы не отдаете себе отчета в том, какой у вас крупный современник".

Хотя эти слова Жида я в тот же вечер записал, но должен признаться, что в тот момент я, собственно, не обратил на них достаточно внимания. Только много лет спустя, когда давно ушли в небытие и тот, кто эти слова произнес и тот, к кому они относились, перечитывая мою запись, я невольно понял, насколько Андре Жид был прав, насколько он — иностранец, ознакомившийся только с незначительной частью бунинского творчества, был проницателен.

Что и говорить, те "вы", к которым были обращены слова Жида, жили ли они за рубежом или обитали в Советском Союзе, Бунина, конечно, недооценивали. Говорится, что "нет пророка в своем отечестве". Это — непререкаемая истина. Но по отношению к Бунину-писателю было несомненно еще много внелитературного, постороннего и наносного, тормозившего его подлинное признание, объективную оценку его творчества, его популярность. Здесь — в эмиграции — непрекращающаяся "мышья беготня" в каком-то смысле всегда неустойчивого быта. Там... — едва ли надлежит уточнять, что в те годы могло препятствовать проникновению его книг в читательскую массу. Словом, виноват был роковой ход истории, сделавший лауреата нобелевской премии, Бунина, по существу писателем

с посмертной славой. Все это только подтверждало правоту и дальновидность скорее ощущений и предчувствий, нежели критических оценок Андре Жида.

А ведь, действительно, здесь почти уместно вспомнить слова, сказанные Чеховым в разговоре с Иваном Алексеевичем. Говорили они о литературе и, конечно, в первую очередь о Толстом, который незадолго перед тем перенес очень тяжелую болезнь и находился в Гаспре.

– Вот умрет Толстой, все пойдет к черту, – не переставал повторять Чехов.

– Литература?

– И литература.

Бунин, записывая эти слова, от себя добавил: "Тут Чехов ошибался, литература уже начала идти "прахом" и при жизни Толстого".

Но вот примерно четверть века тому назад умер Бунин и та классическая линия русской литературы, которую он с таким достоинством представлял и о которой так картинно писал Поль Валери, как о "русском чуде", прервалась. В известной мере он, действительно, был "последним из могикан". Появлялись, конечно, значительные вещи – было бы нелепо это отрицать – но все в них было как-то упрощено (даже если умышленно усложнялось!), не было ничего равноценного по звучанию, по удельному весу, ничего, что можно было бы поставить на одну полку хотя бы с "Жизнью Арсеньева".

*

Я познакомился с Буниным в Париже в 1923-м году на весьма пышном в эмигрантских условиях балу, ежегодно для пополнения своей кассы устраиваемым "Союзом писателей и журналистов" в ночь под "старый" Новый Год. Отмечу, что такое празднование по грегорианскому календарю отнюдь не вызывалось какими-либо ретроградными убеждениями его организаторов. Дело было много проще: в другие подходящие вечера бальные залы из года в год были заняты другими организациями.

Если память мне не изменяет, представил меня Ивану Алексеевичу, еще сравнительно молодому и молодцеватому, такому в своем смокинге представителю, с

внешностью, напоминающей римского патриция, Борис Зайцев. Но "сближение" (намеренно ставлю это слово в кавычки) с ним произошло почти тотчас же. Это было облегчено тем, что Бунины были хорошо знакомы со старшим поколением моего семейства и его дружеское ко мне отношение я получил, так сказать, "по наследству".

Я не могу вспомнить толком, как и под какими предложениями я стал "захаживать" к нему на дом, на ту самую неуютную и едва ли не умышленно неприглядную квартиру на улице Оффенбаха, в которой он и скончался тридцать лет спустя. Иной раз он просил меня заглянуть к нему, чтобы написать письмо какому-нибудь переводчику или иностранному литературному агенту, в другой, чтобы сообща с Верой Николаевной обсудить технические детали предстоящего литературного чтения, уточнить щепетильный вопрос о том, как распространять билеты на этот вечер и составить "проскрипционные" списки, то-есть, списки потенциальных "меценатов", которым эти билеты предстояло — и тут не будет большого преувеличения — "навязывать". Дело было сложное и требовавшее большого дипломатического такта: ведь, упаси Боже, если одному и тому же лицу билеты будут предложены несколькими из тех любвеобильных дам, которые свое "хождение по мукам" (иначе их самопожертвования и не назвать!) приравнивали к причастности к великой русской литературе! А ведь больно подумать — эти "благодетельные" вечера в течение долгих лет были чуть ли не основной статьей в бюджете последнего русского классика.

*

У себя дома Бунин приемов не любил. Роль гостеприимного хозяина была ему не по душе, хотя в ограниченном кругу он эту роль всегда выполнял с блеском и со свойственной ему словесной щедростью сыпал всякими остротами и эпитаграммами (как бесконечно досадно, что никто не удосужился их записать). Не раз мне приходилось быть свидетелем того, как он разыгрывал шаржи на знакомых и друзей и, в первую очередь, изображал коллег по перу, всегда метко, иногда зло, никогда не злобно. Актер он был вообще первоклассный и не надо

удивляться тому, что в свое время Станиславский настойчиво предлагал ему включиться в труппу Художественного Театра. Впрочем, в данном случае Станиславский не был тонким психологом — Бунин и театр, Бунин и дисциплина — две "вещи несовместные".

*

Довольно часто мне приходилось также встречаться с Буниным в "нейтральных" местах, то у общих знакомых, то в монпарнасских кафешках, в которых тогда чуть ли не ежевечерне любила сходить литературная молодежь. Несмотря на разницу лет и положения в литературе (после получения нобелевской премии Бунин, сам над собой посмеиваясь, любил приговаривать — "Я, который объелся славой!..") хоть и не терпевший фамильярности, все же стремился быть с каждым на равной ноге. На Монпарнассе он старался разыгрывать роль старшего товарища, ухаживать за молодыми (и средних лет!) поэтецами, которые каждое его слово готовы были принять за чистую монету и уже мысленно скакать с ним в Венецию, в силу давней традиции безответственно упоминаемую им для того, чтобы возбудить к себе больше интереса. Благо Венеция в те годы из-за трудности путешествий и всяких виз была "за семью морями", а зато совсем по близости была русская забегаловка и туда за полночь он любил повести очередную Джульетту и опрокинуть в ее компании рюмку-другую водки с горячим пирожком.

Бывали, однако, вечера, когда Бунин неожиданно "вскипал", разозлившись на неугодившее ему какое-нибудь словцо и на следующее утро адресовал своему без вины виноватому "обидчику" пропитанное ядом и не всегда вполне цензурными выражениями письмо. Впрочем, опустив его в почтовый ящик, он сразу же о своем поступке сожалел. Но что было ему делать? Я знал одного беллетриста — автора преимущественно морских рассказов, "Станюковича здешних мест", который такое бунинское послание застеклил и на видном месте повесил у себя в столовой.

*

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66